

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

А.Г. Радов

МЕТАТЕОРИЯ В ДЕЙСТВИИ: ОБЪЯСНЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ПОСРЕДСТВОМ НЕЕ САМОЙ

Предлагаю следующую попытку: описание возможности построения метасоциологической теории с одновременным приложением ее к современной социологии, конституируемой социокультурными особенностями сообщества и социальных институтов. В основном мой анализ критичен, я в большей мере отрицаю, чем предлагаю, — в надежде, что кто-то предложит лучшие решения, чем мои.

I. 1. При переходе на «мета-»уровень мы всегда получаем в придачу к нему существование следующего уровня, за ним еще одного, и так до бесконечности. Если я допускаю существование класса классов элементов, то вынужден признать и класс классов классов, в котором будет находиться хотя бы один член. Проблема бесконечности уровней, на каждом из которых можно отразить предыдущий, имеет психологические следствия. Бесконечность определенно непознаваема, что надламывает многих ученых. Стремление прийти к окончательному объяснению правильно по сути (даже если такое объяснение невозможно), однако неосуществимо с помощью построения подобной метатеории. В ней должна содержаться логическая возможность для метаметатеории.

Вообще под метатеорией в социальных науках часто (и неправильно) понимают что-то вроде «большой теории», *вроде* осуществления мечты Парсонса. Другое неверное понимание проистекает из ложной логики, суть такого понимания в том, что метатеория должна быть способна описывать все факты, описываемые исходной теорией плюс совокупности этих фактов. Это не так: дескрипция фактов, включенных в исходную, не входит в задачи метатеории, по сути, она может быть выражена чем и как угодно, это теория следующего уровня, не сводимая к исходной и никоим образом не выводимая из нее. Таким образом, «проблема бесконечности», со всеми ее психологическими следствиями, не возникает. Грубо говоря, такая метатеория, в инструменталистском смысле, предназначена для проверки валидности пер

вой. Однако, поскольку мы можем проверить валидность лишь относительно чего-то, метатеория должна также быть способной понимать и формулировать проблемы, поставленные перед исходной, стремясь не столько к отражению фактов, сколько к банальной дескрипции проблем.

Какой должна быть эта метатеория? Если она принципиально несводима и не выводима из исходной, то может ли ее природа и метод отличаться от первой теории? Я должен ответить: нет. Метатеория обязана быть методологически связана с теорией, к которой ее применяют, эта связь предполагает не общность теоретического подхода, но единство регулятивных принципов и метода. Если подобные принципы (и даже метод) присутствуют в первой теории имплицитно (а так часто бывает в социальных науках), то метатеория должна быть способна вывести их из исходной и сформулировать на своем языке.

Таковы общие предложения по сути того, чем должна являться метатеория. Конечно, я не стал излагать *общие принципы*, все то, чем так богаты наши учебники. Полагаю, что если вы придерживаетесь общих принципов, то протестовать не станете, а если полагаете, что таковых нет, то данный текст, как и любой текст вообще, должны воспринимать в его (или моей) субъективной уникальности, в таком случае у вас также не должно быть возражений. Аргументы, которые я буду приводить ниже, не касаются общего случая для структуры и задач метатеории, я высказал лишь то, что показалось мне требующим пояснения.

2. Словосочетание «социальные науки» предполагает единство этих наук, единство в объекте. Однако единство в объекте мнимо: например, общество настолько же является объектом социологии, насколько и не является им. Для социальной психологии общество вообще не может быть объектом. Я уже не говорю о так называемых «науках о структуре», в которых социум вообще может не приниматься в расчет в том смысле, как он принимается социологией. Употребление указанного словосочетания часто беспочвенно еще и потому, что, говоря «социальные науки», имеют в виду прежде всего социологию. Сформулировать, что такое есть и что конкретно *должны* эти социальные науки, не в пример проще, чем проделать те же операции в отношении социологии. Поэтому я буду говорить лишь о методе и сути метатеории социологии, а вы вольны соотносить мои рассуждения с «социальными науками» в целом.

Метатеория социологии — это социология социологии, сообразно тому, что я сказал о метатеории ранее. Мне кажется, что большего успеха можно добиться в философии социологии или при логическом анализе ее теорий. (Под успехом я понимаю эффективность в объяснении проблемы, в смысле Лакатоса). При этом социология социологии ничуть не похожа на психологические и социально-психологические аргументы, привлекаемые в объяснении основ научной деятельности, например, Куном. Вам может показаться, что социология социологии должна рассматривать социологические теории через призму социальных институтов (и тому подобное). Это не так. Именно тут метатеория может в корне отличаться от изучаемой: нам не обязательно оперировать категориями последней — требуется лишь единство

метода и регулятивных принципов. Если мы не можем сформулировать такие принципы и предъявить метод, то мы не имеем права строить метатеорию. Как раз тут мы встречаем определенные трудности. Перейдем сразу к ним, остается оговорить *только одно*: я не собираюсь здесь строить комплексную метатеорию социологической науки, я лишь хочу показать возможность ее построения. Если подобная метатеория возможна, то и рассуждения, которые будут сопутствовать нашим методологическим исканиям: рассуждения о социологии в социокультурном единстве ее компонентов, описание и объяснение процессов, в ней происходящих, становятся тоже *возможными*, не лишенными смысла.

3. Поговорим о методе социологии, одновременно разворачивая его критику. Основной метод современной социологии как эмпирической дисциплины — это *имитация индукции*. Поппер говорил, что индукция не существует, решая, как он ее называл, «юмову проблему» — индукцию на основе повторения (Поппер 2002а: 12–38). Действительно, ни теория вероятности, ни что-либо другое не смогли пока дать четкого и непротиворечивого критерия для индуктивного вывода. Ясно, что полная индукция — не выход, т. к. ее нельзя применить в большинстве случаев, а решения, вроде «аналитической индукции» Флориана Знанецкого, слишком громоздки и туманны на процедурном уровне. Тем не менее, мы можем говорить о подкреплении единичным фактом в случае объяснения «для всех» как об аргументе в пользу нашей теории или решения. Однако то, как это в действительности происходит в социологии, сильно отличается от нормативных конвенций, которые большинство эмпириков полагают *просто еще одной идеей*. Я не случайно начал с метода эмпирической социологии. Эта наука слишком претендует на эмпирический статус и возможность решающего доказательства. В то время как большинство реально совершаемых эмпирических исследований можно назвать «социологическим фотографированием» — это дескрипции фактов, в основном — установок неких индивидов «здесь и сейчас». Я не рассматриваю такой род деятельности как научный, он самодостаточен, а наука не может быть таковой. Если вы описали некоторый факт в определенный момент времени и сообщаете об этом, никоим образом не пытаетесь подтвердить или опровергнуть какое-либо высказывание или другой факт, то ваше сообщение только *может* быть включено в поле науки, в действительности не принадлежа ему. Если вы идете от частного к частному (как советует большинство социологических учебников) — т. е. не экстраполируете свои выводы на генеральную совокупность или другую область фактов, вы поступаете верно, с точки зрения научного метода, честно относительно этоса ученого. «Мы опросили *этих* студентов и вот что можем о *них* сказать». Ваше действие является верным, но бессмысленным — ваше исследование никуда не ведет, это законченный акт, наподобие творческого. Хватит коллекционировать факты, ничего не подтверждающие и не опровергающие, — это не «богатый эмпирический материал», который «еще предстоит осмыслить и объяснить», а свалка, помойка бесплодных интеллектуальных усилий. Сколько не углубляйся в анализ, но отказ от репрезентации — это отказ от проблемы или признание ее несущественности. Если

вы идете от частного к общему, то вступаете на тернистый путь, вне зависимости от того, как вы действуете. У меня (и не только) есть серьезные возражения против теории выборки, которая в действительности базируется не на (теории о) вероятностях и комбинаторике, а на слабых аналогиях вроде «как по капле крови можно изучить организм, так и...». Я говорю не о том, как нечто предписано методологами нормативно, а о том, как действительно все происходит. Также я не считаю статистику опорой для социологии, по крайней мере, в той степени, как это *принято*. Статистические закономерности могут быть случайны, самое редкое в смысле исчисления вероятности может оказаться самым важным; но не только в этом дело: статистика не обеспечивает должной валидности выводам социологов, а скорее дает иллюзию уверенности в собственной правоте. Использование статистики не может увеличить эффективность теории. У так называемой «качественной традиции» столько же прав на объективность, сколько и у «количественной», *если нечто не подтверждается в полной мере — это не подтверждено*, тут надо понимать. При этом уверенность в таких процедурах, как «снежный ком», основанных не на *вероятности*, но на некоторых качественных критериях, вообще представляет собой детский сад, ни в коей мере не способствуя обоснованию индуктивного вывода.

Итак, путь от частного к общему труден (здесь я не рассматриваю обратную традицию: против нее также существуют аргументы, но иного плана). Однако мы должны следовать этому пути, даже несмотря на высказанные возражения. Гораздо страшнее то, как им обыкновенно следуют: как подкрепляют свои аргументы в действительности. Эмпирические исследования — лишь один канал для социолога в конструировании его знания о мире, и не самый главный. Мои собственные прикладные исследования в области социологии привели меня к мысли, что мы вообще не опираемся на данные и результаты эмпирических исследований при мышлении как «ученые». Сообщения, выливающиеся в *сообщения об исследованиях*, часто не только не воспроизводят форму, которую должны, но и не предполагают тщательной работы по сбору и обработке данных. Массовые опросы — бич современной социологии, чем быстрее мы откажемся от этой практики в рамках науки, тем лучше. Опрос не может быть источником данных о некотором процессе, хотя повсеместно применяется для этого. *Нельзя изучить действие, изучив установки о действии, причем в ситуации, не предполагающей изучаемого действия*. И не только в нашей стране данные «центров изучения общественного мнения» используются учеными при подкреплениях. *Сообщение об исследовании объективирует само исследование, оно тотально несоотносимо с объектом, к которому вы прилагаете свой теоретический конструкт*. Тождество объектов вообще может не проверяться. «За последние годы уменьшилось число респондентов, считающих, что...» — это цитата из Ж.Т. Тощенко, его высказывание на одном круглом столе. И главное — все с цифрами в руках, со статистикой; вырождение объекта в респондента никого не интересует; социолог и так знает *все* про свой объект — вот лейтмотив нашего времени и его диагноз.

Имитация индукции состоит в следующем. Во-первых, это вольное опе-

рирование независимыми подкреплениями — а ясно, что нет такого факта, которому нельзя найти подкрепление. Процент, три процента, десять — как определить *меру* значимости приводимых данных? Никак, вне концептуального и методологического единства эмпирии и теории, осторожного соотношения своего высказывания и аргумента, его подкрепляющего. Во-вторых, это не путь от наблюдения к теории, от частного к общему — а путь от своего заключения к его подкреплению. Однако это и не дедукция, так как вы подкрепляете одно следствие с помощью другого, вы не стремитесь к посылке, формирование потенциальной проверки которой — тяжелая теоретическая работа. В третьих, имитация — в общей сциентистской ориентации метода: говорим «вернемся к человеку», а опираемся на свое представление о том, *«как это в науке»*, подразумевая естественные науки.

4. Я вообще полагаю имитацию основным методом социологии, но это, как и развернутые рассуждения об индукции, должно стать основой другой работы. Здесь же я предлагаю перейти к методу теоретической социологии, вернее, осветить основную тенденцию этого метода — стремление к редукции. Идея редукции, особенно реализуемая в глобальном масштабе, в принципе чужда реалистской традиции, к которой я хотел бы принадлежать. Редукция как метод необходима, но редукция как методологическая позиция исследователя мне кажется ложной. Ориентация на малые проблемы (во многом порожденная идеей «теорий среднего уровня») иногда полезна, но сведение проблемы к ее частям, решение каждой из которых якобы может послужить решению целой — не верна. Если вы возьмете любой социологический журнал, сборник работ, монографию — вы ясно увидите стремление к описанию *малых «самих в себе»*, нивелирование процессов до их составляющих, *человеческих концепций — до психологических установок*. При описании языка мы говорим в основном о коммуникации, не затрагивая высших функций языка, свойственных только человеку (этим примером я обязан Попперу (Поппер 2002а: 121)). Действительно, *кажется*, что все общение можно объяснить, исходя из низших функций языка, ответственных за коммуникацию. Но объяснить и предложить приемлемое объяснение — разные вещи.

Корни этого *атомистического редукционизма* следует искать в практиках профессионального образования, приобретения навыков, в частности, преобладания реферативной традиции в противовес критической; корни — в инструменталистском мышлении современного теоретика, предпочтении решений *ad hoc*, теорий среднего уровня. Я выскажу следующие возражения против подобного редукционизма. Для редукции всегда нужны большие основания, чем для постулирования несводимости, подтверждения наличия у объекта эмерджентных свойств. *Если X не сводим к Y, то достаточно найти одно значение X, не имеющее аналога в Y, если X сводим к Y, то все значения X должны сводиться к аналогичным значениям в Y*. Впрочем, это скорее эпистемологическая проблема, хотя подтверждение соотношения *всех* значений X и Y, необходимое для разложения X, — опасный процесс, ошибиться в ходе которого легко, а отыскать ошибку — нет. Другое, более важное возражение, в том, что при последовательной редукции мы

должны прийти к чему-то простому, к атомам. Если вы не приходите к атомам, осуществляя полную, нескончаемую редукцию — вы опять приходите к проблеме бесконечности, познавательный смысл которой относительно решаемой проблемы невысок. Осознание бесконечности, как дамоклова меча, необходимо, в экзистенциальном смысле, но проблема, канувшая в нее, может никогда снова не предстать потенциально решаемой. *А приходя* к простому, вы обнаружите, что оно может быть лишь описано, а не объяснено. Объяснить простое, конечно, можно, но это или тривиальная тавтология, или что-то вроде «объяснения мира в терминах конечных сущностей», категориях вроде субстанциональной значимости и тому подобного. Я не говорю, что так нельзя, но лишь что так вы не решите избранную проблему для социологической науки, и это все, что я говорю. Конечно, простое можно объяснить через другое простое, но это порочный круг. В этом случае встает и другая проблема — поскольку редукция завершена, то вы должны были прийти к полной несводимости одного элемента к другому (иначе это был бы один и тот же элемент), а значит, объяснение *idem per idem* — не более чем метафора — постмодернистская *интерпретация*, оставляющая всегда столько же вопросов, сколько было поставлено вначале. Я предлагаю простой и верный парадокс — *сложные проблемы объяснить проще, чем простые*, в том смысле, что у нас больше шансов, что адекватное объяснение будет найдено в первом случае. Естественно, под сложными я понимаю не трудные, а составные, комплексные проблемы — не сведенные к множеству проблем, в них заключенных. Несмотря на то, что, решая сложную проблему, мы наверняка в объяснении используем большую спекуляцию, чем при решении простой, эта спекуляция будет проверяться простыми фактами (например, научными аномалиями), что в итоге приведет к ее коррекции. Объяснение простой проблемы (где простая редуцирована из сложной) содержит меньшую спекуляцию, но у нас нечем проверить эту спекуляцию, скорректировать объяснение, кроме того как познавая другую простую и далее действуя *по аналогии* или используя свою сверхинтуицию, но первое — малоэффективно, второе относит нас к насыщенной метафизике, где требуется аргументация иного рода.

Разумная редукция необходима, равно как и эмерджентность не должна превращаться в фетиш, принимая во внимание ее гораздо более туманный в сравнении с редукционизмом характер. Но крен в сторону редукции, теорий среднего уровня, простых проблем — та проблема, которую надо рубить мечом. Вместо того чтобы спорить, есть ли у нас в стране теоретическая социология или нет, или, как поступают некоторые коллеги, вздыхать об отсутствии у нас «теоретической культуры» и тлетворном влиянии марксистской идеологии на способность к теоретизированию, надо пытаться решать то, что есть. Подобное происходит не только в отечественной социологии, которую, по мнению некоторых, если финансировать, то она *тут и разовьется*; теоретик может жить в бочке, ему, в отличие от философа, даже не надо смотреть на небо или дразнить толпу. Это проблема всей социологии, проблема старая, еще Лакатос, опираясь на *выводы* Миля и Ликена, говорил о том, что большинство современных ему теорий в социальных на-

уках — ad hoc гипотезы, разнящиеся лишь по форме (Лакатос 2002). «Социологическая теория представляет собой словесный “образ общества”, а не строго выстроенный ряд теоретических суждений, организованных в логически последовательную форму», очень верно замечает Дж. Тернер (Тернер 1995: 37). Это то, что я хотел сказать о методе социологии.

Итак, какой метод должна использовать метасоциология? Нормативный (т. е. представляющийся объективно верным) или тот, который обыкновенно используется? Из предыдущего текста вы никак не можете этого вывести, потому что я высказал лишь некоторые замечания, а не описал метод социологии в целом. Хотя выбор ясен: конечно, мы должны использовать нормативный, т. е. следующий из самой природы социологии, из природы социальной реальности. Мы не можем действовать порочно, если считаем нечто порочным. Большинство социологов, которых я знаю, полагают, что контент-анализ — это метод, в то время как он суть процедура. Такая же ситуация «в литературе». И дело не в знании терминологии и не в удачно найденном наукометрическом факте — дело в профессиональной несостоятельности. Именно сейчас, оставляя на время рассуждения о методе, я скажу, что большинство из тех, кто маркирован как социолог — не являются таковыми. Большинство социологов — это социальные философы, обществоведы и фотографы (в том смысле, как было указано ранее). Возможно, читатель возразит мне, что именно я «несоциолог», не могут же быть «все дураки, а один — умный», и тут я с ним соглашусь. В этой статье я выступаю не как социолог, а как озлобленный методолог (вернее, стремлюсь к этому), а критика всегда должна быть беспощадной, как говорил Поппер. Надеюсь, ясно, что метод метасоциологии должен быть нормативным, а что касается социологии как научного сообщества, то этому будет посвящена вторая часть моей статьи.

Этот метод — *объективный метод*. Вот что я могу о нем сказать. Научный метод должен быть объективным, мы должны выкинуть *подальше* все субъективистские теории, всегда оставляющие место для своих собратьев (Радов 2003), все — от наивно позитивистских до «научной эмпатии», отказаться от непознаваемости «загадочного социального мира», повернуться к нему лицом. Метод социологии объективен, потому как *этот мир есть*. Я не предлагаю вам реализм наподобие бхаскарова (Bhaskar 1989) в его примитивной форме суперсубъективизма, с которым никакая бритва Оккама не справится. Я предложу вам то, что полагаю под методом, подходящим социологии, и теорию, сообразную целям этой науки, и буду надеяться, что вы присоединитесь ко мне. Здесь я говорю лишь, что этот метод объективен, и за неимением лучшей альтернативы предлагаю временно рассматривать его как «изучение яблока по-яблочному», т. е. в русле реалистской традиции. Социальная реальность существует, даже если мы логически придем к тому, что она — фикция. Мир познаваем, но медленно, ошибочно и кратко. *Объективное существует — и мы здесь, чтобы найти его.*

II. 1. Моя критика, основывающая себя на фоне возможности построения метасоциологической теории, подходит к рассмотрению социологии через сообщество, ее порождающее, на фоне осмысления регулятивных прин-

ципов, внутренне ей присущих. Релятивист, а таковы, несмотря на весь свой академический задор, многие современные социологи, сказал бы, что таких принципов попросту нет и быть не может. «Истина зависит от метода», «от парадигмы» — подобные максимы служат ему защитой. Вопрос о парадигме вообще не дает покоя социологам: «полипарадигмальная наука», «в парадигме такого-то» и тому подобное. Даже если мы берем парадигму как «образец», все равно достаточно проблематично выделить в социологии «образцы», следование которым будет эффективным. Даже если такие образцы мы и можем вычленивать из груды всей той дешевой общественной философии, которая подменяет нормальную теоретическую работу в социальных науках, то явно, что парадигма (как и метод) не могут определять истину. Принимая, что окончательная истина недостижима, мы вовсе не постулируем ее многогранность. Парадигма (и метод) определяет путь к истине, порядок и характер решения проблемы, но само решение уже не может рассматриваться как зависящее от них. Они *ведут* к решению, но при достижении последнего не могут служить ему основанием. Ни методология, ни философия *вообще* не могут служить основой сформулированной теории. В них — ее корни, возможность ее опровержения, но никак не доказательств в ее пользу.

Рассел определяет философию (и это представляется мне верным) как то, истинность чего еще научно не установлена, как познание того, что наука пока не может познать или объяснить (Рассел 1999: 107–108). Ясно, что в этом определении, как и в основе моей критики, — допущение о том, что существуют такие вещи, как законы, закономерности, действительные объекты. Допущение о том, что некоторые вещи в принципе существуют. Я понимаю, что субъективист может аргументировать против такой точки зрения, но именно эта точка лежит в основе науки. Итак, я говорю, что для «утвержденной» каким-либо способом научной теории, соответствующей фактам, не играет роли парадигма, в которой она была выполнена, или метод, которым факты познавались. Философское основание *есть* лишь у гипотезы, неподтвержденной теории, вернее, имеет значение только в этом случае. Если бы было иначе, у нас не было бы возможности критиковать и опровергать различные теории, метафизические и субъективистские корни которых нельзя было бы обрезать. Если теория успешно предсказывает новые факты, к ней не может быть никаких претензий. С другой стороны, в случае неуспеха теории вы можете искать причину в неправильном философском основании. Однако это основание не может само по себе оправдать существование теории. Претензии на то, что выполненное в некоей методологии исследование считается удачным при соответствии ей — неправомерны. Я бы не говорил об этом столько, если бы многие социологи не действовали подобным образом, который снимает с ученого ответственность за результат. Другая часть сообщества практикует методологическую всеядность — например, рассмотрение какой-либо проблемы с различных позиций, где позиция — это методологическая ориентация, вроде феноменологии, функционализма или бихевиоризма, *без разницы*. Инструментализм никогда не приводил к хорошему результату, а нежелание сформировать и отстаивать свою позицию — к

подлинному уважению подобной личности.

Несмотря на множественность подходов (парадигм, как их обыкновенно претенциозно величают социологи), они не ведут к теоретическому плюрализму, который мог бы быть полезен на данной стадии развития дисциплины. Напротив, формируется (как в процессе профессионального образования, так и в ходе практической деятельности) догматизм в отношении известного. Поясняя, вводя представление о подкреплении с помощью «ссылки на авторитет». Очевидно, что подобный прием не может подкреплять теорию и высказывание вообще, однако он повсеместно используется, и не только в социальных науках. Я утверждаю, что «ссылка на авторитет» — основной способ подтверждения, используемый социологами в нашей стране. Когда я говорю, «как пишет Поппер» или «еще Аристотель говорил» — я, на самом деле, веду нечестную игру. И Поппер, и Аристотель сказали много слов, не все из них были разумными и ценными (думаю, что Поппер со мной согласился бы). Я не говорю, что вредна практика цитирования, ни в коей мере. Обращение к предыдущим пластам посредством ссылки делает возможным такой жанр, как научная статья. Однако использование «ссылки на авторитет» при *объяснении* неправомерно. Вы не можете подкрепить свой вывод или результат указанием на то, что некий «американский исследователь» того же мнения. Вы можете об этом упомянуть, вы даже обязаны это сделать — указать, какие идеи вы развиваете, чья концепция служит вам основой. Но это — не аргумент в защиту ваших доводов, а просто знак *копирайта*, ссылка, служащая для удобства читателя, отдача интеллектуального долга. Многие «исследователи» тратят свою жизнь на то, чтобы коллекционировать факты вроде «Семечкин тоже исследовал проблему X». Корни таких исследований я вижу в гуманитарной (в худшем значении этого слова) традиции, берущей начало в школьных сочинениях по литературе и переходящей в практику реферирования текстов, а через нее — в дипломные и диссертационные работы. Либеральные ценности, которые все мы признаем, подразумевают равенство в высказываниях. Вы говорите, я говорю — мы только говорим, каждое мнение имеет право на существование. Но это не верно для науки. Мнения могут иметь разную ценность. Кто ее будет определять? Потенциальная успешность мнения в продвижении познания? Не знаю, но разница в ценности определенно присутствует.

«Ссылка на авторитет» выступает как одна из практик повседневной, *бытовой* аргументации людей. Употребление народных пословиц — ссылка такого рода, она освобождает говорящего не только от необходимости самостоятельно провести аргументацию, но и от необходимости *понимания проблемы вообще*. Так и в деятельности ученых — понимание проблемы подменяется чужим ее *прочтением*, вашим методом становится языковая аналогия, с помощью которой вы соотносите свою идею и идею авторитета, фактически подменяя второй первую. Хотя представляется, что чужие теоретические обязательства в принципе брать следует лишь в крайних случаях.

Любая структура бесконечно стремится к институализации и механизации входящих в нее элементов. Структура объективирует первоначальный смысл, послуживший ее созданию. Ее коррекция не может быть полной.

Что говорить о структуре научной статьи, практике научной работы, если подобное происходит даже со структурой художественного текста; *форма стремится к определению смысла бесконечно*. Используя вольную терминологию: система всегда рано или поздно съедает человека. «Ссылка на авторитет» — лишь один из примеров этого процесса, она стоит в одном ряду с трехстраничными тезисами в роли научной статьи, десятиминутным выступлением на конференции, участием в сборнике, цель которого — дать возможность *всем* высказаться, где нет ни концептуального, ни методологического, ни теоретического единства.

Вернемся к регулятивным принципам. Несмотря на то, что их нельзя окончательно выделить (т. е. нельзя сказать: «эти, а больше таких принципов нет»), и что *многие* вообще отрицают их существование, сами эти принципы приобретают догматический характер. Любой авторитет, любое легитимное высказывание принимаются как данность, как нечто правильное. Мы слишком мало сомневаемся. Мало критикуем. Это потому, что нет желания достигнуть объяснения высокого уровня, потому, что «социальная реальность непознаваема», а «человек, он так загадочен и неуловим». Когда я впервые услышал, что «в науке вы можете исходить из чего угодно (что в ней есть)», я был полностью согласен. Сейчас я сильно против. Как раз именно в науке вы не можете исходить из чего угодно. Граница между наукой и не-наукой, несмотря на красивые критерии методологов, в действительности очень расплывчата, и вы не должны ее переходить. Тут, естественно, я не имею в виду, что вы должны всегда оставаться *в рамках*. Нет, именно преодоление рамок — путь ученого: превращение астрологии в науку стало бы великой победой современного теоретика. Но нельзя исходить из *чего угодно*. Научный метод имеет границы, и я пытаюсь указать то место, исходя из которого, наука станет *невозможной*, или ваши концепции будут внутренне противоречивы. Вы можете переформулировать определение и переписать задачи социальных наук, можете изобрести процедуры вроде «глубинного понимания», но сути это не изменит.

Догматичное принятие гигантского количества высказываний как истинных, естественно, следствие методологической анархии и теоретического беспредела, учиненного в социологии. Кроме того, это наиболее простой путь. Поппер видел в куновской «нормальной науке» угрозу для развития всей науки, для человечества в целом (Поппер 2002б). Однако идеалистический реализм Поппера был его спасением от «реального» поведения ученых. Я стремлюсь к методологии, имеющей перед собой картину действительного развития науки, и меня не интересует критика с позиции того, что действительное — для меня одно, а для вас — другое. Придет время, и я обосную «действительное» в его объективности.

Первый регулятивный принцип — это ориентация на критику, однако, как видно, действительная ориентация — это догматическое принятие как можно большего количества высказываний, где критика в полной мере объективирована. Критика происходит, она повсеместно приветствуется и провозглашается, но это лишь форма. Мы не видим в действительности стремления к опровержению чужой позиции. Я уже указывал, что любой субъективизм

всегда оставляет возможность для другой субъективистской интерпретации, другого объяснения, не вступая с ним в конфликт. А субъективизм я понимаю очень широко (Радов 2003). Я говорю: «указывал» и спрашиваю себя: «где в действительности указывал»? В сборнике, цели которого туманны, тираж 200 экземпляров и который, кроме его авторов, никому не нужен? Впрочем, эта проблема может быть тривиально соотнесена «с бедственным положением отечественной науки» и т. п. Но вопрос: для кого мы (*что?*): работаем? думаем? Этот вопрос остается. Одно из положений здесь следующее: статья о методологии социологии должна привлекать внимание методолога и методолог должен давать ей оценку. Как не раз писали «авторитеты», ученый должен быть принят и понят *именно* своим сообществом. Если я стремлюсь изменить социологию в лучшую сторону, то даже при использовании социологии в социологии, при выступлении в сообществе социологов проблема относится к разряду методологических и будет интересна главным образом методологам. Подобное несоответствие проблемы и объекта, трудность на пути к решению, изменению — достаточно часто встречается в науке. Мне остается надеяться, что она иногда преодолима.

Мы должны быть интересны друг другу, а часто нет не только этого, но и интереса к проблеме, которой ты занимаешься. Вы должны видеть ученых, от всего уставших, по тридцать-сорок лет занимающихся «образованием», «девиацией», «Максом Вебером». Какую цель они ставят перед собой? Знают ли они о том, что теоретическая работа — это не совокупность решений «к случаю»? «Большинство ученых имеют такое же представление о том, что такое наука, как рыбы о термодинамике», — любимая поговорка Лакатоса, по его признанию (Лакатос 2002: 407). Я бы добавил, что большинство ученых и «разбираются» в *своей* науке, как рыбы в термодинамике. Они просто успешно имитируют деятельность ученого. И можете кидать свои помидоры — они с самого начала тухлые.

Прошу прощения. Но я уверен, что сейчас надо кричать, иначе следующее поколение, «генерация специалистов», будет сплошь инструменталистской, всеядной и *слишком* сытой.

2. Вторым принципом, внутренне присущим области социальных объектов, который я выделю, является то, что эти объекты действительно существуют. Мы можем объяснять, потому что есть каузальные связи, внутренне присущие им. Мы должны стремиться объяснять, а не описывать или интерпретировать. А на самом деле описания превалируют. Описание — это законченный акт, будучи завершенным, он ни к чему не ведет, в области действия социологии мы можем только по аналогии сотворить схожее описание, но оно не будет следовать из первого непосредственно, если только мы не движемся в нашем описании к частностям, все больше углубляя *знание повседневности*, мгновенно теряющее свою ценность с приходом «нового момента времени t». В своем описании социолог постоянно приводит примеры, переняв эту дурную привычку у социального философа. Для сравнения, Рассел говорил, что логик как таковой не должен приводить примеров (Рассел 1999: 25). Теоретик вполне может их избегать. В социологии примеры необходимы, но пример — это не аргумент. Найти пример и дать

аргумент — разные вещи. Посмотрите, как работает Барт и вся *эта* традиция: явление не объясняется, но описывается с помощью множества своих примеров, очевидных следствий, каждое из которых, как и все в целом — временные его *проявления*. Я не критикую работу структурального человека — у него своя цель, я против перенимания социологами такого способа «аргументации». Много примеров приводит незнающий, непонимающий проблему, тот, кто не может сформулировать ее предполагаемое решение, которое должно быть ясно и без примера, хотя и предполагает подкрепляющую аргументацию.

3. Мы должны стремиться к пониманию и/или объяснению целого — таков третий принцип. Для этого надо познавать обыденное, тривиальное, общее. Социологи, особенно эмпирики, слишком часто изучают «девиацию», выбирают редкие объекты. Эта тенденция опасна в той же мере, как и стремление объяснить целое с позиции социальной философии или здравого смысла. Говоря «обыденное» — я не подразумеваю «повседневное». Задаю вопрос: является ли новой проблемой изучение ранее никем не исследовавшихся инвалидов Карякского АО? Может ли отсутствие эмпирического знания об этих индивидах быть достаточной мотивацией? Я считаю, что мы обязаны действовать таким образом, чтобы непосредственное изучение этих конкретных инвалидов было бы *не нужно*. Единственная мотивация, возможная здесь — это не новизна проблемы, а ее подлинная научная новизна, предположение об аномалии, могущей обогатить наше знание реальности. Я имею в виду только генеральную линию, а именно, необходимость обращения к общим свойствам, для того чтобы на их фоне суметь различить особенность особенного.

4. Можно выделить еще много подобных принципов. Однако здесь я собираюсь кратко рассмотреть социологов, как они есть, вернее, кто они есть, а затем, с помощью легкой коды, завершить эту статью. Я выделю следующие типы современных мне социологов, вернее, отмечу тех, кто маркирован соответствующим образом, но (нормативно) не должен иметь отношение к социологии. Во-первых, социальные философы. Социальный философ в роли социолога плох тем, что не стремится к построению *проверяемых* теорий. Кроме того, он вольно оперирует как «научным», так и «метафизическим», не различая их. Его целью может быть критическая теория социума, идеология, он не стремится к той степени точности, которую *вроде бы* диктует научная деятельность. Он может действовать как осознанно (например, если он деструктивист), так и нет. Второй тип — это обществоведы. Обществовед заинтересован в обществе, как оно есть *для всех*, в осмыслении политической и вообще публичной жизни. Он специалист по общественным проблемам, по тем, которые означаются массой как «актуальные». Обыкновенно его философия — это дешевый прагматизм с гуманистической направленностью (не обязательно популистской): ему нет нужды изучать социум, он полагает, что и так знает его. Третий распространенный тип: фотограф. Это эмпирик, занятый бесцельным накоплением ни к чему не ведущей информации, коллекционер, не стремящийся не то чтобы к целому, но и к познанию полноты частного. Я вижу опасность для функционирова-

ния социологии со стороны представителей этих типов, которые практически исчерпывают кажущееся многообразие сообщества. Я ни в коей мере не полагаю, что их занятия бессмысленны или вредны сами по себе. Те же массовые опросы общественного мнения важны для чего-нибудь (я даже могу предположить для чего), но я вижу вред в том, что все эти типы распространены в поле науки и их деятельность легитимируется сообществом.

III. Хорошая проблема — это такая проблема, которая еще не решена. Если вы избираете проблему, которую вы полагаете в принципе неразрешимой, то это лучше, чем если вы исследуете нечто уже известное или вообще действуете без цели (глобального характера). Хороший вывод — это вывод, который читатель делает сам: говорят, это способствует формированию *мыслительного навыка*. Я не буду *вкратце* резюмировать свои идеи. Хочу лишь еще раз прояснить суть своей попытки. С помощью метасоциологии, *возможность* которой я стремился показать, я попытался описать некоторые ошибки современной социологии с позиции ее собственного социального бытия, т. е. применяя (рациональную) социологию к ней самой. Но главный смысл даже не в том, какие именно недостатки я вижу в социологии, не в аргументах, которые я привожу, но в импульсе, который я стремлюсь сообщить. Моя методология может быть ложной, положения — дискуссионными, но импульс, который я вкладываю, должен заставить вас обратить внимание на проблемы, от которых вы отворачиваетесь или не замечаете, обратить внимание, чтобы предложить, возможно, лучшие решения, чем мои.

И все это на фоне «социология находится в кризисе». Уверен, что кризисное самосознание может быть очень *сладким*. Бытие в кризисе позволяет отказаться от решения действительно важных проблем, решая лишь самые необходимые, насущные. Многие коллеги-социологи похожи на русского крестьянина, который знает, что каждый год бывает зима, но при ее наступлении, впадая в спячку, лишь хитро прищуривается: «Холода», и вечно ждет весны. Весна не наступит, если ее не поторопить. Но когда она придет — то *солнце взойдет не для всех* — кто-то не проснется, особенно те, кто спит с самого рождения.

Литература

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Структура научных революций / Сост.: В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

Поппер К. Нормальная наука и опасности связанные с ней // Структура научных революций / Сост.: В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002а.

Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002б.

Радов А.Г. Гуманитарная интеллигенция и субъективизм в социологии // Интеллигенция в обществе риска. Сб. статей. М.: РГГУ, 2003.

Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1995.

Bhaskar R. The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of Contemporary Human Sciences. Harvester-Wheatsheaf, New York, London, 1989.